

Александр СОКОЛОВ

К ПОЛЕМИКЕ О РОССИЙСКОМ ТОЛКОВАНИИ «БОЛОНСКОГО ПРОЦЕССА»: КОНСТАНТЫ ИЛИ ДОГМЫ?

Уже более десяти лет мне приходится быть активным участником дискуссии о проекции «болонского процесса» на реалии нашей отечественной системы профессионального музыкального образования. На первых порах это было связано с деятельностью УМО (учебно-методического объединения), созданного Министерством культуры при сопредседательстве ректоров Московской консерватории и Российской академии музыки имени Гнесиных. Та давняя дискуссия имела еще достаточно отвлеченный характер, ибо сам «болонский процесс» протекал поначалу где-то в стороне от сферы художественной культуры. Совещались меж собой на эту тему министры образования европейских стран. Министры культуры к официальным встречам долгое время не привлекались.

Ситуация существенно изменилась для нас в 2004 году, когда новый состав российского правительства был собран «под знамена» известной административной реформы и дух реформирования воцарился во всех эшелонах власти. А. А. Фурсенко начал свою деятельность на посту министра образования и науки с декларации о реформе высшего образования. Реформа эта в итоге оказалась пронизывающей все уровни педагогического процесса — от начального до послевузовского. С этого момента и на протяжении четырех лет мне пришлось плотно взаимодействовать с Министерством образования и науки в качестве федерального министра, курирующего сферу культуры и массовых коммуникаций.

Не секрет, что это был весьма напряженный диалог, в котором нередко поляризовались наши позиции. Это, впрочем, относилось и к реакции других отраслевых министерств, изначально выразивших серьезную озабоченность идеями

Соколов Александр Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, ректор Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского, заведующий кафедрой теории музыки Московской консерватории, заслуженный деятель искусств Российской Федерации

А. А. Фурсенко. В частности, принцип двухуровневого высшего образования, будучи прямолинейно спроецированным на потребности и традиции военных, медицинских, дипломатических, сельскохозяйственных и других вузов, порождал серьезные проблемы, хорошо понятные настоящим профессионалам.

В полемике с чиновниками Минобрнауки, таким образом, многими была занята оборонительная позиция под лозунгом «не навреди». Своевременны и достаточно эффективны оказались на том этапе дискуссии выступления известных деятелей театрального и музыкального искусства. Возвысить голос их побудило впечатление от первых вариантов проекта нового Федерального Закона «Об образовании», в тексте которого, как и в тексте старого закона, ни разу не встречались понятия «художественное образование», «культура», «искусство». Технократический уклон, как известно, вообще свойствен нашей административной верхушке. «Что-то лирики в загоне, что-то физики в почете», — уже давно подметил в своем ироническом стихотворении Борис Слуцкий.

Позиция Минобрнауки была поначалу предельно жесткой. Под нее приводились политические аргументы: перспективы вступления России в ВТО, межгосударственные соглашения, подготовка встреч на высшем уровне и т. п. Тем не менее, поиски компромисса на встречах курсах велись в деятельности своевременно созданных совместных рабочих групп, что давало определенные позитивные результаты. Главным из них, пожалуй, можно назвать признание альтернативы двухуровневой болонской системе, что отвечало нашим отечественным традициям. После длительных споров был сохранен «специалитет» — базовый уровень образования в наших вузах. Это была нелегкая победа, поскольку под напором Минобрнауки в решающий момент устояли только две старейшие консерватории страны — Петербургская и Московская. Ректоры всех остальных музыкальных вузов подчинились судьбе, дав согласие на безальтернативные бакалавриат и магистратуру.

При сохранении специалитета, бакалавриат, таким образом, стал пониматься как зона эксперимента, определяемая самим вузом. Не «выплескивая вместе с водой ребенка», вуз продолжал идти путем естественной эволюции, а не предписанной революции. Такая склонность всегда была свойственна нашим наиболее авторитетным специалистам, посвятившим себя приобщению к профессии новых поколений.

В докладах, подготовленных к нынешнему форуму моими коллегами, проректорами Московской консерватории, будут представлены наши конкретные шаги в этом направлении. Я же позволю себе остановиться на некоторых элементах нашей с вами общей стратегии, диктуемой настоящим моментом. Именно *о б щ е й с т р а т е г и и*, поскольку чрезвычайно важно сейчас согласованно сыграть на опережение, предлагая те идеи, которые могут быть учтены при вынесении на правительственный уровень проектов соответствующих документов.

Упредить ошибку в законотворчестве значительно легче, чем ее впоследствии исправлять. В ходе реформы системы образования это подтверждалось не раз. Повальная ликвидация профтехучилищ (техникумов) вскоре обернулась кризисом на рынке труда, дефицитом остро востребованных специалистов. Введение нового принципа статуарности вузов (институт — академия — университет) обернулось путаницей и административными злоупотреблениями в практике лицензирования и аттестации, наплодило множество новообразований, весьма отдаленно напоминающих настоящий вуз.

Сейчас мы вновь оказались на пороге статуарных преобразований. Намечается упразднение академий и резкое сокращение числа университетов. В этой связи необходимо окинуть взором нашу традиционную систему непрерывного музыкального образования, оценив ее дальнейшую перспективу.

Начнем с «фундамента», с начального образования. Известна критическая ситуация, сложившаяся с ДМШ вследствие отнесения их к категории «дополнительного образования», то есть фактического уравнивания ДМШ с клубами по интересам и доморощенными кружками-однодневками. Попав «под нож» образовательной реформы, ДМШ перестали гарантировать выполнение важнейшей возложенной на них двуединой задачи:

1. Общее музыкальное образование школьников, хотя бы частично компенсирующее фактическое отсутствие музыкальной подготовки в общеобразовательных школах и гимназиях. Иначе говоря, воспитание будущей слушательской аудитории для филармонических залов.

2. Профессиональная селекция среди учащихся, выявление особо одаренных детей и индивидуальный подход к их обучению с ориентацией на дальнейшее продолжение обучения в музыкальном училище.

Замечу, что в свое время возникла отрадная тенденция опробовать такой подход уже на уровне детсадов, однако с развалом СССР это начинание, за редкими исключениями, заглохло.

Таким образом, сегодня наша задача — отстоять прежний статус ДМШ, обеспечив их нормальное функционирование как в крупных городах, так и в провинции.

Подробнее поговорим о среднем звене. Сочленение начального и среднего специального образования характерно для музыкальных школ-десятилеток (одинадцатилеток), которые, как правило, являются «питомниками» высших учебных заведений. Их основная задача — подготовка абитуриентов в вуз. На пути к аттестату зрелости проводится весьма строгий отбор по профессиональным критериям (конкурсные классы с отсевом неуспевающих учащихся). Весьма важна координация методик и учебных программ в среднем и высшем звеньях, взаимодействие педагогических кадров школы и вуза. Примером может служить недавно отметившая свое 75-летие ЦМШ при Московской консерватории, директор которой традиционно включается в состав Ученого совета консерватории.

Пока это относительно стабильное звено в системе непрерывного музыкального образования. Сложнее с училищами, часть которых тоже является «питомниками» вуза (училища при консерваториях), а часть работает автономно. Налицо фактическое неравенство училищ по обеспечиваемому уровню подготовки, по педагогическим кадрам, материальному обеспечению учебного процесса. За последнюю четверть века возникло довольно много новых училищ в малых городах. Им еще предстоит доказать свою профессиональную состоятельность, что уже достигнуто рядом старых провинциальных училищ (Коломна, Электросталь, Воронеж и др.).

Привилегия училища (колледжа) — выпуск дипломированного специалиста, имеющего право работать педагогом ДМШ и концертным исполнителем, а также продолжить свое образование в высшем звене. Здесь следует обратить внимание на одну недавнюю новацию: прежде от абитуриента, поступающего в вуз, требовался в обязательном порядке документ о среднем *специальном* образовании, который давали музыкальные школы-десятилетки и училища. С недавних

пор эта норма отменена, теперь достаточно *любого* документа о среднем образовании. Момент, казалось бы, формальный, но его можно использовать, подняв статус тех училищ, уровень которых не вызывает сомнений. Подготовленные училищами и школами-десятилетками музыканты нередко отличаются высочайшим уровнем мастерства. Можно привести ряд примеров приобретения нашими отечественными музыкантами мировой известности без диплома о высшем образовании. Среди них Галина Вишневская, Евгений Кисин, Николай Саченко. Это очевидное свидетельство фактического уровня подготовки в нашем среднем звене, аналога которому нет за рубежом. Поэтому, именно с учетом того обстоятельства, что при поступлении в вуз более не требуется документ о среднем специальном образовании, стоит вернуться к вопросу о признании *de jure* того, что уже налицо *de facto*: опробовать бакалавриат в лучших музыкальных училищах (колледжах) России. Вопрос непростой, но не безнадежный. В нашей отечественной системе образования сам термин «училище» звучал порой очень гордо, относясь именно к высшему звену. Напомню:

МВТУ имени Баумана
ВХПУ имени Мухиной
ВТУ имени Щукина
ВТУ имени Щепкина

Традиции ряда европейских стран тоже дают нам некоторую полезную для дискуссии аргументацию. В Германии консерваториями называют не высшие, а средние учебные заведения. Высшие же называют *Hoch Schule* (школы). Во Франции консерватории могут соответствовать разным критериям по уровню подготовки (консерватория имени Рахманинова в Париже, например, соответствует нашему рядовому училищу).

В переживаемую нами «эпоху перемен», словом, есть, о чем поспорить. Тезис в этом споре может быть сформулирован следующим образом: училища (колледжи) при консерваториях объективно имеют право на бакалавриат, что соответствует их реальным возможностям и фактическому уровню профессиональной подготовки.

Что касается высшего звена, то и здесь, в преддверии очередного «пасьянса» со статусами вузов, следует попытаться использовать прецедент, созданный Московской консерваторией. Сегодня это единственная консерватория страны, имеющая официальный статус университета, полученный в 2002 году и подтвержденный при последнем лицензировании в 2007 году. Перспектива сокращения числа университетов не сулит нам хорошего, если заранее ничего не предпринимать. Однако, в ближайшие годы будут широко отмечаться два знаменательных юбилея: 150 лет Петербургской и Московской консерваторий. Их международный авторитет неоспорим. Среди российских консерваторий только они являются обладателями Президентского гранта. И эти обстоятельства — тоже шанс закрепить статус университета (специализированного университета) за Московской консерваторией, а также присвоить его консерватории Петербургской. К юбилейным датам будут готовиться соответствующие Указы Президента РФ. И к процессу их «вызревания» следует подключить все свои ресурсы.

Остаются нерешенными и проблемы, связанные с *п о с л е в у з о в с к и м* образованием. Споры об ассистентуре-стажировке как специфической для творческих вузов форме аспирантуры велись между Минкультуры и Минобрнауки еще в 1990-е годы. «Воз и ныне там». Ситуация лишь ухудшилась. В последние годы музыканты-исполнители, обязанные помимо своего основного дела писать

научные музыковедческие рефераты, фактически лишь осваивают навыки компиляции наскоро выдернутых из интернета материалов, либо перекадывают сей подневольный труд на плечи своих научных руководителей, привлекаемых с историко-теоретического факультета. Профанация — самый печальный итог бездумного администрирования. Консерваториями было потрачено немало сил на разработку проектов нового Положения об аспирантуре искусств, давно представленного на рассмотрение вышестоящих инстанций. Пока «глас вопиющего в пустыне» не услышан.

Не всё, однако, потеряно. И следует консолидировать наши усилия, используя для этого и сегодняшнюю трибуну, и иные ближайшие возможности. В частности, значительно активнее нам нужно выступать на конгрессах Европейской Ассоциации Консерваторий, где все волнующие нас вопросы традиционно находятся в центре внимания и где мы можем заручиться авторитетной поддержкой европейского музыкального сообщества.

Именно ради координации наших действий год назад был создан Совет ректоров Российских консерваторий, руководство которым было доверено коллегами мне. Очередное заседание Совета ректоров мы проведем именно по итогам нашей нынешней конференции.

Не используется пока в должной мере ресурс Ассоциации творческих вузов России, в планах работы которой необходимо сделать соответствующий акцент.

Заняв единую взвешенную позицию, нам легче быть услышанными и правильно понятыми. Ведь мы действительно отстаиваем незыблемые константы культуры, а не сиюминутные догмы. В этом наша правота.